

ЭММА ПИНЬЯТЬЕЛЛО

Страх. Напряжение. Боль.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

ТОЛЬКО ПРАВДА — ИЛИ
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ УБИЙЦА — МОЖЕТ ИХ
РАЗЛУЧИТЬ!

18+

ОТ АВТОРА
РОМАНА
«ПОСЛЕДНИЙ
ВЫСТРЕЛ»

Высокое напряжение

Эмма Пиньятьелло

Последний вздох

«Азбука»

2025

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Пиньятьелло Э.

Последний вздох / Э. Пиньятьелло — «Азбука»,
2025 — (Высокое напряжение)

ISBN 978-5-389-32913-3

Возвращение домой – главный страх Неллы Барбарани. Не желая иметь с родственниками ничего общего, она покинула семейную винодельню и добилась успеха без помощи отца, став известным адвокатом. Все изменил поданный конкурентами иск, способный уничтожить репутацию семьи. Нелла вновь оказывается втянута в мир старых конфликтов, недосказанностей и опасных тайн. Когда в ее офисе находят труп, становится ясно: это уже не просто бизнес. Кто-то методично уничтожает все, что связано с фамилией Барбарани. Нелла нуждается в защите, и роль телохранителя на себя берет Джетт Рэндалл – мужчина с темным прошлым, чувства к которому у нее так и не остыли. Расследование затягивает их все глубже: ложь переплетается с правдой, старые грехи раскрываются, а доверие становится роскошью. На кону – жизнь, свобода и любовь, которую они оба боятся признать.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-32913-3

© Пиньятьелло Э., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эмма Пиньятьелло

Последний вздох

Emma Pignatiello
LAST BREATH

© Emma Pignatiello, 2025

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри Fiction

* * *

Э М М А П И Н Ъ Я Т Ь Е Л Л О

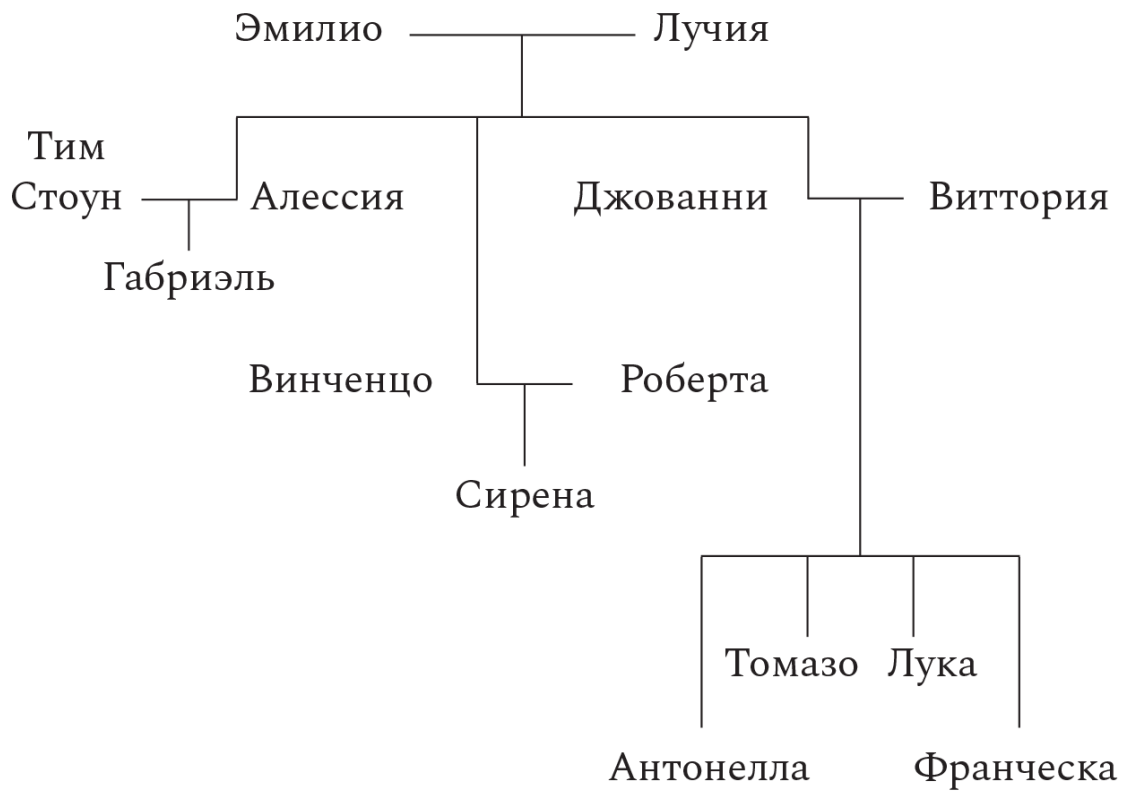
ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Моим друзьям.

Эта история о друзьях, которые не знают, что любят друг друга, но, надеюсь, не секрет, как я люблю вас всех.

Семейное древо Барбарани

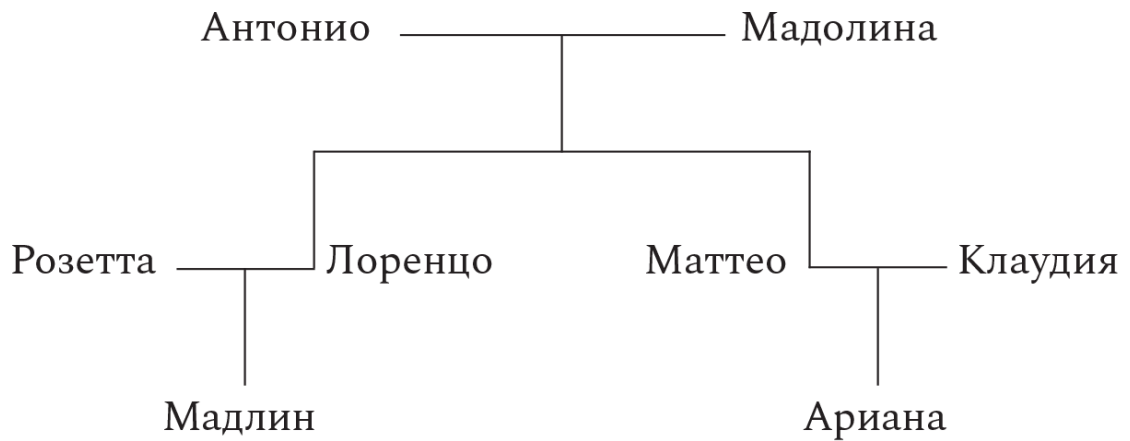
Персонал поместья Барбарани

Грейсон Хоук — «фиксер»

Джетт Рэндалл — «такси»

Кончетта Чьярелло — «кухарка»

Семейное древо Ла Маркас

Персонал поместья Ла Маркас

Рафаэль — «Любимчик»

Форест Валентайн — «Обрученный»

Кейн Скиннер — «Призрак»

Дружба между мужчиной и женщиной невозможна. Страсть, вражда, обожание, любовь — но только не дружба...

ОСКАР УАЙЛЬД

«Веер леди Уиндермир»

Глава 1

Нелла

Какие красные флаги – забудьте. Этот парень был ходячей аварийной сигнальной ракетой.

И он был идеален.

Всклокоченные светлые волосы, как у только что обретшего новый дом ретривера, словно отретушированная на фото в соцсетях кожа. На пальце левой руки – золотое кольцо. И вместо того чтобы обесчестить ее в грязном переулке за баром, он предложил подняться наверх.

Он был тем самым алхимическим балансом вожеления и саморазрушения, который и требовался ей этим вечером. Поэтому она последовала за ним в пентхаус, который делила с братьями, и закрыла за ними дверь.

– Вау, – выдохнул он.

Плейлист, игравший до ее ухода, включился снова. Она не знала, как отключить функцию автоматического воспроизведения на аудиосистеме, установленной братом. И уж точно не собиралась делать какую-нибудь глупость и, например, просить у него помощи эсэмэской. А раз так, то оставалось только терпеть этот адский ужас, воплощавший представление о музыке поколения Z. Песни, в которых гитарные мелодии и внятные тексты – исчезающие виды.

Она изящно обошла застывшего красавчика, словно ее проходка была частью отрепетированной балетной сцены. Каждый гость, которого она приводила в эти апартаменты, обязательно издавал этот раздражающий возглас. Как будто не верил, что она действительно та, за кого себя выдает.

Какие бы обещания с упоминанием взбитых сливок на обнаженном теле ни звучали в баре, все они мгновенно улетучивались, когда гость видел длинный, вытянувшийся во всю стену стеклянный шкаф с коллекцией знаменитого вина «Барбарани», который стоял там, где нормальный человек поместил бы обычную перегородку.

Возможно, оно и к лучшему – взбитые сливки все равно были просрочены.

– Поверить не могу, что я здесь, – пробормотал гость, поворачиваясь на месте, словно Алиса, только что вывалившаяся из кроличьей норы.

Она прошмыгнула мимо него, швырнула джинсовку на янтарного оттенка диван (цвет выбрали без нее) и, как случилось из раза в раз, отправилась на кухню, где взяла с полки два бокала и поставила их на мраморную столешницу.

Пока приглашенный незнакомец осматривался в новой для него обстановке, она с излишней резкостью сунула его бокал под диспенсер льдогенератора, и вылетевшие острые льдинки царапнули ее руку.

А он, словно замороженный, смотрел на представленную в рамочке под стеклом копию рецепта вина ее деда (с замазанными, разумеется, секретными ингредиентами), как будто перед ним был бюстгальтер от La Perla. Она фыркнула – в ресторане он не уделил ей и десятой доли такого внимания.

Он хорошо работал пальцами (по крайней мере, когда дело касалось ощупывания статуи, которые ее брат Томазо считал достаточно художественными и дорогими, чтобы выставить на всеобщее обозрение). Том приходил сюда редко, но Нелле здесь нравилось – все на виду. Никаких потайных спален, секретных переходов. Никакого обмана, лжи. Никакого предательства, таящегося в тени и ждущего удобного момента, чтобы задушить ее.

Никаких заговоров.

И последние полгода апартаменты полностью выполняли свое назначение. Сколько бы пуль и снарядов ни летело в сторону фамильного поместья в бухте Бинди-Бинди, здесь, в ее военном бункере, она была в безопасности.

Свидетельства ее самого долгого за последние полгода пребывания здесь были разбросаны по всей лаунж-зоне. Блондин как ни в чем не бывало, словно через попавшийся под ноги мусор во время прогулки по лесу, переступил через розовые угги и стринги. Взгляд его скользнул по растянувшимся на всю стену картинам, образчикам искусства, над которым представители рабочего класса презрительно посмеиваются – мол, мой трехлетний сын лучше нарисует. При этом он тактично проигнорировал кофейные кружки и кучку контейнеров из-под стрит-фуда, но скрестил руки и замер, глядя на искрящуюся в свете фонарей реку и Кингс-Парк. А добравшись до винного шкафа, почесал свою растрепанную шевелюру а-ля «крутой серфер», нервно вздохнул и поежился.

– Холодно? – Она выдавила лайм в его бокал и плеснула в свой еще джина.

Часы показывали 3:36 утра. Глядя на ядовито-зеленые цифры на микроволновке, Нелла не в первый уже раз пожалела о каждом из принятых за последние полчаса решений. И вот результат: вместо того, чтобы лежать в постели с ноутбуком и смотреть на Netflix документальный сериал о чирлидершах команды «Далласские ковбои», она стоит на кухне.

– Нет, просто... не верится, что я здесь.

Поздравляю, сэр, вы только что провалили Испытание № 21 (Не пей, когда купаешься), согласно которому любое упоминание вина «Барбарани» в романтической ситуации имеет катастрофические последствия.

Одно неловкое движение – и все рухнет.

В обычных обстоятельствах она бы уже выставила его за дверь. Но обычные обстоятельства остались где-то там, до четырех коктейлей.

Нелла приподняла брови.

– Перед знаменитым вином моего деда, хочешь сказать?

Лишь теперь, впервые после того как они пришли сюда, он повернулся к ней.

– Нет. В доме самой красивой женщины в том баре.

Фу. Уж лучше бы преклонил колени перед алтарем ее печально известной семейки. Может быть, тогда у них получился бы по-настоящему страстный, замешанный на ненависти секс.

– Это не мой дом. Я просто бываю здесь иногда.

У него была возможность заявить, что ему по силам устроить так, чтобы этот раз не стал единственным. Но этот шанс он безнадежно упустил. Его взгляд упал на коробку из-под пиццы, балансирующую на выполненной в натуральную величину статуе – Ромул и Рем, сосущие молоко вскормившей их волчицы.

– И как долго ты пробыла здесь в этот раз?

– Уже шесть месяцев. – Она протянула ему бокал и сделала большой глоток из своего.

Он умело покрутил в руке сосуд. Ну конечно! Она же дочь покойного винного магната Джованни Барбарани. Это ловкое движение запястьем – все, что требуется, чтобы она мгновенно растаяла от желания!

– Джин? – спросил он с укором.

– М-м-м.

– А как насчет вина?

– Этому вину сто лет, – сказала Нелла. – И мой брат установил здесь охранную систему уровня Форт-Нокс, на взлом которой уйдет полчаса.

– А, ну ладно. Я просто подумал...

Она закатила глаза.

– Послушай, ты пришел сюда ради моего вина или ради моих сисек?

– Я...

– Я не хочу говорить о своей семье.

Он заерзал.

– Это из-за того опроса?

– Какого опроса? – Она закрыла все свои аккаунты в соцсетях. Не смотрела новости уже несколько недель. Открывала телефон только ради Apple Pay и Spotify. Когда он был заряжен.

– Насчет того, кто горячее – ты или Ариана Ла Маркас. – Он залпом выдул бокал джина.

Ариана Ла Маркас. Ее заклятая соперница. Точнее, дочь главных конкурентов Барбарани по части вина. Хотя Нелла даже не знала ее настолько хорошо, чтобы удостоить почетного звания «заклятой соперницы». Вражда их дедов передавалась по наследству, как лишняя хромосома, и теперь Нелла с братьями и сестрой были биологически запрограммированы ненавидеть Ла Маркас. Если она и могла чем-либо порадовать отца, так только этим.

– Ну и?.. – Нелла подбоченилась, болезненно ткнувшись бедром в столешницу. – Я победила?

– Опрос еще, э-э, не завершен...

Она нахмурилась.

– На сколько?

– Что?

Неужто она так напилась, что перешла на итальянский?

– На сколько она меня опережает?

– Какая разница, что там написал какой-нибудь тринадцатилетний геймер из Гонконга? Ты – бомба. – Его взгляд снова пополз к витрине. – А можешь сказать, что там внутри? – Он сделал шаг ближе.

Нелла развернулась и сунула свой пустой бокал под диспенсер.

– Вино.

– То, что сделал твой дед?

– Колокольчики, ракушки да прелестные девчушки...¹

– Хотя бы один ингредиент?

– Виноград.

– Да ладно. – Его глаза заблестели: возможно, обещание просроченных сливок пробивалось сквозь более свежие впечатления вечера. – Давай выпьем по бокалу? Сыграем на раздевание. Я буду угадывать, что там есть, за каждую ошибку сниму по одному предмету одежды. А если угадаю...

– То я выпрыгиваю из окна? – Нелла изобразила самую сладкую улыбку чирлидерши «Далласских ковбоев».

А вот его ухмылка как-то померкла.

– Ладно. – Она сняла ключи с крючка над хлебными досками и бросила ему, но промахнулась – ключи пролетели мимо его плеча и ударились о стеклянную витрину. – Бери вино. Зеленый ключ.

– Антонелла... – Он поставил бокал на один из подстаканников Тома, который Нелла использовала как пепельницу, и подошел к ней вплотную. – Извини. Я не должен был упоминать... Ты же сказала, что не хочешь говорить о них... после того, что случилось... – Он смотрел на нее, как щенок, которого отругали за то, что он прыгал на диван.

Черт, нет. Прекрати это все...

Она впиалась в его губы жадным поцелуем. Он невольно попятился, задел большой палец на ноге Ромула, и коробка с пищей полетела на пол. Под ногой у нее хрустнул черствый кусок

¹ Колокольчики, ракушки да прелестные девчушки... (англ. Silver bells and cockle shells and pretty maids all in a row) – из английской детской песенки “Mary, Mary, Quite Contrary” (здесь перевод. Н. Радченко).

пепперони. Она запустила руку ему в штаны в надежде найти готовый к действию инструмент, заряженный, как ей представлялось, с той секунды, как она произнесла слово «сиськи». Если она намерена лечь спать с чувством глубокого и полного удовлетворения, то нужно быстренько все поправить и сделать так, чтобы он заткнулся насчет того, *что случилось*.

На вкус поцелуй напоминал пиво с пряным ромом и легким намеком на меренгу из десерта, который они ели вместе. Это была его идея. Нелла терпеть не могла делиться десертом.

Она толкнула его на диван и расстегнула на нем джинсы, пока он лепетал что-то невнятное о спальне. Просьба осталась не услышанной – Нелла уже ощутила ту поразившую ее силу, что рвалась из-под голубого хлопка трусов.

Уж не жена ли их ему купила? Как же все легко – даже кольцо не снял. Ей нравилось, что он так откровенно демонстрирует свою абсолютную никчемность.

Она потянула его за рубашку, и он, принявшись неловко расстегивать ее платье, даже не стал возражать, когда несколько пуговиц посыпались на пол. Она откинулась назад и с нетерпеливым рыком стянула платье через голову. Наверно, он принял этот рык за признак пробудившегося первобытного инстинкта, потому что схватил ее за шею и попытался подмять под себя, но она не уступила и, наклонившись, ткнулась губами в его подбородок.

У него было удручающе скучное лицо. Симметричное. Голубые глаза на одинаковом расстоянии от прямого носа, светлые волосы – все словно с пропагандистского плаката 1950-х годов: истинный осси², воплощение мускулинности. Впрочем, все это компенсировалось растущим давлением у нее между ног и тем, как агрессивно и почти жестоко он терзал ее соски.

– Презерватив? – спросил он между поцелуями.

Нелла хотела солгать, как обычно. Испытание № 11 (Слип, Слор, Слэп)³ касалось защиты, но формулируя его в свои семь лет, она совсем не думала о презервативах. Теперь это превратилось в своего рода игру – соврать насчет средств контрацепции и посмотреть на реакцию потенциального партнера: рискнет – идиот, уйдет – придурок, достанет резинку из бумажника – серийный изменщик или юнец под восемнадцать. А может, он оставит все как есть?

– Спираль, – честно призналась она.

– Круто. – Он все равно полез в бумажник и зубами вскрыл серебристый пакетик (серийный изменщик). – Так, на всякий случай.

Она знала, что это означает на самом деле. *Я не позволю тебе разрушить мой брак из-за того, что у тебя может хватить наглости забеременеть!*

Нелла подавалась назад, сдерживая нетерпеливый вздох, который рвался из нее, как чих, пока он надевал презерватив. Морщинка между его бровями, ничем не примечательными, как и остальные невыразительные черты заурядного лица, несколько остудила ее пыл.

Он начал что-то говорить, но замолчал, как только ее губы коснулись латекса. Миссия выполнена. Но она успела заметить в его глазах тень сожаления из-за того, что замечательная мысль насчет предохранения посетила его *до* этого момента.

Удивительно, но даже не прилагая особых усилий – и это притом, что он залил в себя не так уж мало спиртного, – Нелла моментально подвела его к краю и отстранилась, хотя он умолял продолжать. Все в нем говорило о том, что наилучший сценарий – это сделать все побыстрому.

Но, черт возьми, она не собиралась так легко сдаваться.

Кажется, он заметил ее раздражение и, расстегнув бюстгальтер – здесь он продемонстрировал большую сноровку, чем в попытке с платьем, – принялся ласкать ее движениями, напоминающими скорее манипуляции маммолога при ежегодном обследовании груди.

² Осси (англ. Aussie) – прозвище жителей Австралии, используемое американцами и канадцами.

³ Слип, Слор, Слэп (англ. Slip-Slop-Slap) – мнемонический лозунг австралийской и новозеландской кампании по предохранению от вредного воздействия солнца на кожу.

Нелла потянула его руку ниже, к своему пупку, а затем к тому месту, которое горело, словно свеча на праздничном торте. Ей все равно чего-то хотелось. Чувствуя себя сломанным тостером, подключенным к неисправной розетке, она снова коснулась губами латекса, и в этот момент в дверном замке звякнул ключ.

Глава 2

Джетт

Джетт перепробовал четыре ключа, прежде чем понял, что дверь уже не заперта. Когти страха, царапавшие его горло долгие шесть месяцев, впились еще глубже: Антонелла Барбарани хочет умереть.

Он толкнул плечом тяжелую бронированную дверь, стараясь не вспоминать, как в последний раз ломился в дверь, чтобы спасти ее, нарушив инструкции, предписывавшие ждать на положенном ему месте – в машине. Правда, тогда дверь была заперта.

Весьма вероятно, что Неллы нет дома, а в качестве выставленного всей семье среднего пальца она оставила их общие апартаменты в Перте открытыми, чтобы любая сумасшедшая могла ворваться туда и упиться вином Барбарани.

Или сжечь все дотла.

Сердце колотилось сильнее, чем он мог бы кому-либо признаться.

Как восьмиклассник перед школьными дебатами, он уже готовил контраргументы на тот случай, если все в порядке, и она швырнет в него статуэткой, обвинив в проникновении со взломом.

(Не заперто. Дверь была не заперта. Вот твоя линия обороны.)

Пятнадцать лет назад Джетт на собственном горьком опыте убедился, что иметь за спиной незаконченную среднюю школу явно недостаточно, чтобы разговаривать с Неллой на равных. За десять лет юридической практики ее язык стал острым, как нож. Джетт вспомнил, как встретился с ней, когда ему было уже двадцать четыре, но рядом с ней он чувствовал себя двенадцатилетним. Она стояла на балконе третьего этажа особняка Барбарани – загорелая рука на перилах, леденец во рту, подводка вокруг карих глаз. Ей было восемнадцать.

С того дня он изо всех сил старался ненавидеть ее. Но когда это не сработало, сменил тактику и переключился на легкое безразличие. Пятнадцать лет спустя он нашел пристанище на хрупком островке дружбы.

Прежде всего Джетт уловил несвежий запах застарелого сыра вперемешку с каким-то китайским соусом из доставки. Присутствовал и другой аромат – розы, мускуса и ванили, выветрившийся за последние полгода с пассажирского сиденья его машины. Джетт попытался сосредоточиться на звучащем на заднем плане голосе SZA⁴, но приглушенный стон (определенно не SZA) заставил его замереть.

Опасность. Определить. Отреагировать.

Он был запрограммированным роботом. Автомобилем на автопилоте.

Джетт развернулся, готовясь оторвать обидчика от Неллы или задать перцу вооруженному грабителю, попытавшемуся добраться до вина за пуленепробиваемым стеклом.

Сбой программы.

Аварийное завершение работы.

Почти обнаженная, Нелла оседлала кого-то, похожего на дешевую версию длинноволосого Криса Хемсворта. Парочка оккупировала диван, о котором сама Нелла говорила, что он «желтый, как кошачья рвота», и на этот раз во рту у нее был не леденец.

– Какого черта, чувак? – Второсортный Крис увидел его первым и оттолкнул Неллу. Одной рукой он прикрывал свое мужское достоинство, другой подтягивал спущенные боксеры. Чтобы не смотреть на них обоих, Джетт уставился на выцветшее коричневое пятно на белом

⁴ SZA (настоящее имя – Солана Имани Роу) – американская соул-певица.

ковре, рядом с опрокинутым стаканчиком из-под кофе. На что оно больше похоже: на нос Томазо или на морского конька с горбатой спинкой?

Щелкнула застежка бюстгальтера... Следом пряжка ремня.

Пятно определенно больше походило на морского конька, чем на нос Тома. Он и раньше видел Неллу топлес (сзади), потому что она обычно лежала лицом вниз у открытого бассейна без верха купальника, чтобы загар не портили линии от бретелек. Но это было... не то.

– Ты же говорила, что свободна!

Брошенное обвинение заставило Джетта поднять голову и посмотреть на фальшивого Криса.

Нелла уже встала; на ней было только нижнее белье.

– Да, – сказала она, глядя на парня хищным взглядом. На Джетта она не смотрела. – Он шофер в нашей семье.

– И не стучится?

– У меня есть ключ, – сказал Джетт.

– Бро. – Парень покачал головой. – Стучаться надо всегда.

Джетт не усмехнулся в ответ, не бросил в его сторону сочувственный взгляд – *ну что, бро, застукал я тебя*, – чего этот парень явно ожидал просто потому, что они как мужчины примерно одного возраста, по всей видимости, должны были смотреть на жизнь одинаково. С голым торсом, в выгодном свете, лившемся из потолочного люка, дублер Криса выглядел не столь проигрышно в сравнении с оригиналом. Когда же он шагнул в сторону кухни и оказался под более ярким и резким светом флуоресцентных ламп, Джетт поймал промелькнувшее на его лице такое знакомое выражение неловкости.

Реакция людей на внешность Джетта была предсказуемой: они либо слишком пристально его разглядывали, либо отводили взгляд, внезапно заинтересовавшись кирпичной стеной или паркоматом. Очевидно, в их представлении это был социально приемлемый, вежливый вариант. Двойник Криса не стал исключением. Джетт чувствовал, как взгляд его голубых глаз, словно ледяной палец, скользит по рваному шраму на его лице.

«Что у тебя с лицом?» – моргнув и даже не став вынимать изо рта леденец, спросила Нелла в тот день на балконе поместья Барбарани. Теперь же ей пришлось схватить своего бойфренда за руку и буквально оттащить, чтобы он перестал пялиться.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросила она, поворачиваясь к Джетту.

Он свирепо посмотрел на нее.

– Надень что-нибудь. – Он отшвырнул ногой кожаную куртку, которая, судя по размеру, принадлежала гостю, и поднял серебристое платье длиной с кухонное полотенце. Ощущение было такое, словно между пальцами течет прохладная речная вода.

Джетт бросил ей платье.

Ну ладно, *в нее*.

– Что случилось в последний раз, когда ты пытался указывать мне, что делать? – Нелла сердито швырнула платье в него, но оно, не достигнув цели, упало на пол между ними, прямо на коричневое пятно, которое рассматривал Джетт.

Его накрыло еще одно воспоминание. Похороны Джованни. Нелла, пьяная в стельку, пытается отобрать микрофон у своего брата. Ей так хочется выплеснуть те чувства к покойнику, что копились долгих тридцать три года.

Джетт тогда обнял ее за талию и повел назад, в толпу людей с мрачными, испачканными тушью лицами. Она била его, кусала, пинала, плакала у него на груди, а потом, когда они отошли подальше, и он отпустил ее... Да... Все, что она хотела выкрикнуть в адрес лежащего в гробу Джованни, она обрушила на Джетта. Заявила, что больше не желает его видеть.

Вот тогда он видел ее в последний раз.

– Поверь мне, Нелла. – Джетт выбросил в мусорное ведро остатки лайма и начал загружать посудомоечную машину тарелками с засохшей коркой из макарон с сыром и коричневатым молоком с запахом шоколадных хлопьев. – Я хочу быть здесь не больше, чем ты хочешь меня здесь видеть.

– Это, – сказала она, протягивая дублеру Криса его бумажник, – невозможно.

– Мне что, уйти? – спросил гость, пряча под рубашкой чрезмерно накачанную грудь.

– Да, – хором ответили Нелла и Джетт, продолжая сверлить друг друга взглядом.

– Что ж... ладно... интересный был вечер, Антонелла. – Гость провел ладонью по блондинистым волосам. – Может, загляну еще как-нибудь в другой раз... вина попробовать?

Последние слова он произнес с ухмылкой, которую Джетт не понял.

– Может быть.

– Что-то не уловил, как тебя зовут, приятель. – Он протянул Джетту руку, не сводя пристального взгляда с его носа. *Видишь, чувак? Посмотри, какой я крутой! Я с тобой! Смотрю прямо на твой уродливый шрам! А теперь позволь пожать тебе руку теми самыми пальцами, которыми я только что ублажал твою шефиню, и мы будем квиты, да?*

– Джетт. Как самолет, – сказал Джетт, крепко пожимая протянутую руку.

Любитель вина сдавил сильнее.

– Виктор.

Нелла побледнела. Джетт был готов поспорить на свою машину, что она забыла имя гостя.

– Какой именно? – поинтересовался Джетт.

– А? – Виктор опустил руку и потянулся, чтобы поцеловать Неллу в висок. Нелла, все еще сверля взглядом Джетта, притянула его к себе и засунула язык ему в рот, а руки – под еще расстегнутую рубашку.

Джетт принялся складывать столовые приборы в серый пластиковый держатель.

Выпущенный наконец на волю, Виктор, пошатываясь, направился к двери. Глаза его сияли, губы распухли так, словно их покусали пчелы.

Прошла целая минута, прежде чем Нелла заговорила.

– Ты все испортил.

Джетт включил посудомоечную машину и теперь осматривал место преступления – лаунж-зону.

– Я думал, кто-то вломился. Дверь была открыта.

– Брось – я слышала, как ты вставлял ключ.

– И все же ты не остановилась. Я мог бы... – Он вовремя осекся.

– Я была так близка к оргазму. – Их пальцы почти соприкасались. – Ты мне все обломал.

Не отвечай. Не вступай в переговоры с Барбарани.

– Правда? – Джетт взял покрытую кукурузной крошкой коробку с чем-то мексиканским. – Значит, так ты выглядишь, когда вот-вот кончишь? А по-моему, больше походило на то, что он уронил ключ от своего гибридного «Приуса» и пытался найти его в твоём нижнем белье.

Джетт сунул коробку в фиолетовый пакет для мусора, обнадеживающе пахнущий лавандой.

Разгребая завалы хлама, он слышал, как выдвигаются и задвигаются кухонные ящики. Возможно, она искала самый острый разделочный нож.

– Ну так продолжи. – Голос ее прозвучал глухо, Джетт повернулся и едва не уронил мусорный пакет. Нелла, словно средневековым мечом, размахивала длинным вибратором цвета розовой жвачки. – Покажи мне, как это делается. Или я сделаю это сама.

Он сглотнул, сминая пустую упаковку от шоколадного печенья «Тим Тэмс», пока она не превратилась в крошечный шарик в его кулаке.

– Ты держишь свой вибратор на кухне?

– Это бытовая утварь. Там его место.

– Не очень-то гигиенично. – Глупый аргумент. На карантин следует закрыть апартаменты целиком.

– Ну?

Джетт вздохнул. Все, что он хотел ей сказать, давило на грудь, как будто он похоронил кого-то заживо в гробу из собственных ребер.

– Одевайся, Нелла.

Она сглотнула, отрывая взгляд от сжимающего «Тим Тэмс» кулака и переводя его на лицо, которое, как знал Джетт, всех и всегда будет только разочаровывать. Нелла знала его достаточно долго, чтобы не вздрагивать при виде шрама. Но всякий раз, когда она так смотрела на него, живущий в нем азартный игрок поднимал свою пьяную голову.

Иногда ему казалось, что он готов поставить все – отдать все деньги мира, свою машину, свой дом, свою левую почку, – лишь бы услышать отголоски ее мыслей, когда она смотрит на него. Хотя бы даже только для того, чтобы убедиться: Нелла такая же избалованная, дерзкая и легкомысленная, какой все ее и считали. Чтобы знать, что она реагирует на его шрам так же, как и весь остальной мир.

Она не сводила с него глаз.

– Нет? Хорошо. Тогда я сделаю это сама.

Это был вызов. Джетт бросил смятую упаковку в пакет. Шорох, с которым Нелла развернулась, пробудил что-то внутри нее, и она зарычала и протолкнулась мимо него (вибратор ударил его в живот) к огромной двери в ванную. И сразу захлопнула ее за собой.

Глава 3

Нелла

Если он бросит хоть что-нибудь еще в этот мусорный мешок...

Еще один раздраженный вздох, и она швырнет в ванну фен. Она уже включила гидро-массаж, чтобы он не услышал ее рыданий. А вот его она слышала прекрасно, потому что для нее Джетт заготовил особый, фирменный вздох.

И он будто пытался сказать: *Типичное отродье Барбарани. Все шесть последних месяцев тусовалась, пока я разрывался на части, спасая что можно после того дерьмового гала-шоу и похорон. Рад за тебя, Нелла, ты такая молодец.*

Или: *Она за свои слова никогда не извиняется.*

Или, может быть: *Мне жилось бы в сто раз легче, если бы Рафаэль в самом деле пристрелил ее полгода назад.*

Она швырнула вибратор, и он, ударившись о дверь, с приятным глухим звуком упал на белую плитку. Задняя крышка раскололась, и три маленькие батарейки вырвались из заточения и покатались по полу. По ту сторону двери – тишина. Она смотрела на дверную ручку в форме ракушки, представляя, как та поворачивается и Джетт врывается в ванную – убедиться, что с ней все в порядке.

Но, конечно, он этого не сделает – а вдруг она голая! И каким бы мерзавцем она ни представляла его в своих лихорадочных кошмарах, никаким злодеем он не был. Интересно, что бы с ним случилось, если бы он вошел сюда и увидел ее соски, выглядывающие из-под хлопьев белой пены? Джетт никогда не смотрел на нее так, как мужчины вроде Виктора. (Неужели его действительно так зовут?)

Пьяные слезы отрезвляли. Лавандовое и гибискусовое мыло пенилось, ярко сверкая и поднимая настроение, как опасное приворотное зелье.

– Включаю кофемашину, – крикнул Джетт. «Ага, не выдержал, все-таки первым нарушил молчание».

– Двойной эспрессо, – крикнула она в ответ. – Где-то должны быть «Тим Тэмс».

– Они все закончились.

Нелла откинулась назад, погрузившись в лавандовую воду. Густой аромат бережно окутал ее, а головокружительный жар снова напомнил, как легко он может поглотить целиком...

– Чистое полотенце и халат оставлю снаружи.

Чертов Джетт. Даже утонуть спокойно не даст – обязательно вмешается.

Минут через двадцать, в халате и с полотенцем, повязанным на голове, как королевский головной убор, Нелла сердито смотрела на свое отражение в запотевшем зеркале. Через все еще закрытую дверь доносился гул кофемашины, готовившей эспрессо.

– И кого же мне уволить за то, что он отправил тебя сюда? – спросила Нелла, приступая к вечернему уходу за кожей. Она никогда не пропускала эту процедуру и уж точно не собиралась из-за Джетта лишать кожу коллагена. Пенка очищающего средства с ароматом мяты неохотно впиталась в поры, которые за последние несколько месяцев расширились из-за того, что она питалась в основном фастфудом и вином. Крем для кожи вокруг глаз так ни черта и не справился с темными полумесяцами под ними. Мать говорила, что это синяки от пальцев Бога, таким образом помечающего самых красивых девушек. Но глядя на свое изрытое кратерами лицо – она сама безжалостно выдавливала появлявшиеся прыщи, – Нелла вовсе не чувствовала себя красавицей. Щеки распухли от выпивки и соли, а на предплечье обнаружился странный порез, появившийся неведомо когда и неведомо как.

– Джетт? – позвала Нелла, когда он так и не ответил. Это прозвучало как приказ, но она ничего не могла с собой поделать. Она злилась на свое отражение больше, чем на него, но не могла сказать ему об этом. Он понимал ее лучше, чем она себя, и иногда ей становилось от этого не по себе. Нелла закрутила крышку на тубике с увлажняющим кремом Тома (почему косметика для мужчин всегда лучше женской?) и, выйдя из ванной, направилась на запах кофе.

– Я расскажу, когда мы сядем в машину. – Джетт стоял посреди теперь уже безупречно чистой кухни, он даже не посмотрел в сторону Неллы, направив внимание на кофемашину, наполняющую густой коричневой жидкостью чашки, стоявшие под раздатчиком.

– Рассказывай сейчас, иначе я никуда не поеду.

Он вздохнул и полез в холодильник за молоком. Не было такого кофе, которое не смог бы испортить этот человек.

– Держи. – Джетт протянул ей эспрессо, которое она выпила одним глотком.

Потягивая свой, он молча наблюдал за ней.

– На кухне как-то странно пахнет.

– Последний шик – ароматдохлых личинок.

Нелла провела языком по зубам. Шершавые. Почистила она их утром или обошлась мятной конфеткой?

– Кто-то умер?

– Нет.

– Фореста Валентайна наконец-то арестовали за убийство Поппи Рейвен?

– Нет.

– Остальное меня не касается. Что бы это ни было, сказанное на похоронах остается в силе. Возвращайся домой, Джетт.

«Я больше не хочу видеть твою отвратительную розу».

С того дня эти слова звучали в ее голове каждую ночь – змея, отравившаяся собственным ядом. Именно из-за них она в каждый свой напиток добавляла больше, чем обычно, спиртного, после чего ее тянуло к самым неподходящим типам.

Она знала, что говорила и другие непростительные вещи, но забыть не могла именно эту фразу. Воспоминания были ее наказанием.

Она не имела в виду его шрам, но как еще, черт возьми, он мог это понять?

– Меня прислал Том, – сказал Джетт, избегая смотреть ей в глаза.

– О, тебя прислал *Том*. Почему же ты сразу не сказал? Тогда поехали! – Нелла плюхнулась на (теперь тоже чистый) диван, подтянула задравшуюся полу халата, под которым на ней ничего не было. – В полчетвертого ночи? – Она даже не удивилась, увидев время на микроволновке. Том не считал человеческую потребность в сне достаточным основанием, чтобы бездельничать и отлынивать от работы.

Джетт сел в кресло напротив (оно было из мебельного реквизита сериала «Друзья», и Том купил его на аукционе в Нью-Йорке), держа чашку кофе с молоком обеими руками.

– Когда я уезжал, было только двенадцать. Ты ему нужна. Что-то случилось.

– Если я так нужна моему дорогому брату, почему он не приехал сам? Или любое человеческое взаимодействие теперь настолько невозможно для моей семьи, что проще отправить водителя?

Джетт потягивал кофе, постукивая мизинцем по краю чашки.

– Полагаю, у него сложилось ошибочное мнение, что я смогу убедить тебя вернуться домой.

– Попытка, достойная восхищения. Думаю, ты заслужил свои тридцать сребреников, Иуда. – Она выразительно посмотрела на желтый диван, на котором он застал ее с Виктором. – Где мои «Доритос»?

– Что?

– Моя пачка чипсов «Доритос» валялась где-то здесь. – Нелла наклонилась и провела рукой над полом.

– Ты, должно быть, имеешь в виду пакет с плесенью, который я выбросил в мусоропровод.

– Плесень полезна для здоровья кишечника.

– Соли в этих продуктах столько, что она убьет тебя быстрее пули.

Она уставилась на кофейную гущу в чашке, словно экстрасенс, пытающийся истолковать узоры на дне.

– Извини, – тихо сказал Джетт. Нелла не хотела видеть выражение его лица. Звук выстрелов Рафаэля, когда, как ей казалось, он расстреливал ее семью, стал мрачной колыбельной, под которую она засыпала каждую ночь. Но Джетт не мог этого знать. Джетт, как и все остальные, думал, что Нелла Барбарани – это нерушимая ледяная башня, которая выдержит все то, что раскалывает и разбивает вдребезги обычных людей.

– Зачем я нужна Тому? – спросила она. – Давай, говори побыстрее, чтобы я могла отказаться, и тогда ты спокойно поедешь домой и скажешь, что сделал все, что мог. Знаю, он похлопает тебя по плечу и почешет за ушком, как хорошего мальчика.

Джетт не повелся на провокацию.

– И что ты будешь делать? Останешься здесь еще на полгода, будешь есть, трахаться и веселиться до потери пульса? – Он поставил чашку на кофейный столик, который, вероятно, испытывал облегчение от того, что его наконец-то используют по прямому назначению, а не как удобную плоскую поверхность для непонятно каких дел.

Она вытянула ноги на диване.

– И загорать.

Он лишь коротко взглянул на них и раздраженно фыркнул. Потом достал из кармана телефон и начал печатать.

Нелла теребила выбившуюся нитку на халате, делая вид, что не смотрит на него. Джетт выглядел так же, как всегда, разве что немного осунулся. Его лицо было для нее чем-то вроде плана дома, знакомого места, по которому она тосковала все последние шесть месяцев, даже несмотря на то, что сама же сбежала оттуда. Левый бицепс слегка напрягся под голубой футболкой, тот самый бицепс, в который она, как дикое животное, впилась зубами, когда он увозил ее с похорон отца. На нем была выбита аббревиатура УГП, и, несмотря на все ее мольбы, уговоры и угрозы, Джетт так и не сказал ей, что означают эти три буквы. Большинство мужчин, когда сидят, широко расставляют ноги – Нелла привыкла к этому за месяцы поездок в городском транспорте, – Джетт в этом отношении отличался скромностью.

Она практиковалась в вождении машины, наблюдая за этими ногами. Джетт согласился учить ее после того, как папа, мама, Том и Грейсон уже отказались от этой миссии, сочтя ее невыполнимой. Нелла всегда была неуклюжей, когда дело доходило до практических, ритмичных вещей, таких как вождение, танцы или ходьба. Но Джетт был терпелив или, возможно, просто отчаянно хотел доказать ее отцу, что может быть полезен и заслуживает права оставаться в поместье. Наблюдение за ритмом работы его ног, за тем, как они нажимают и отпускают педали, помогло ей в итоге найти собственный. Который она, конечно, теперь утратила. Какой смысл учиться водить машину, когда есть человек, которому платят за то, чтобы он делал это за тебя? Обама носил один и тот же костюм каждый день, чтобы освободить разум для обдумывания более важных решений, а Нелла позволяла Джетту возить ее, чтобы сосредоточить свои таланты на другом.

Она снова перевела взгляд на его лицо с глубокими карими глазами, в которых отражался свет экрана. В эти глаза она смотрела в свои последние, как тогда думала, мгновения жизни. А еще она видела рваный шрам, пересекающий лицо по диагонали, шрам, хранящий историю о тайном прошлом, которого он никогда ей не раскрывал. Это лицо бесило ее как постоянное напоминание о том, что Джетт не до конца ей доверяет.

– Проверь свой телефон, – попросил он, оторвавшись от экрана. – Я отправил тебе письмо.

Она быстро отвела взгляд.

– Боишься сказать в лицо, поэтому прибегаешь к кибербуллингу? – Она положила ногу на ногу. – У меня телефон разрядился.

Джетт протянул ей свой айфон.

– Все еще без чехла? – спросила она.

– Мне так нравится – жить на грани, – спокойно ответил он. И действительно, он водил машину так, словно мог позволить себе рисковать, имея в запасе, как кот, девять жизней, и злился, когда кто-то сидел на его месте.

Она взяла телефон, откинулась на спинку дивана и, едва начав читать, резко выпрямилась. В глазах потемнело. Руки задрожали.

– Джетт... – Она перечитала мелкий текст, моргая и шурясь, чтобы убедиться, что в своем полупьяном состоянии понимает все правильно. – Скажи, что я неправильно это читаю.

Он скрестил руки на груди.

Она уставилась на заголовок. *Ла Маркас подают в суд на Барбарани, обвиняя их в получении прибыли от украденного патента на вино.*

– Это розыгрыш, да? В Австралии нельзя подать в суд за права на рецепт. Мы что, в одном из тех реалити-шоу, где...

– Иск настоящий, – перебил ее Джетт. – Как ты сама знаешь, Маттео Ла Маркас уверен, что твой дед не сам создал знаменитый рецепт сангве⁵. Он нашел лазейку. – Оба одновременно посмотрели на рецепт в рамке, заляпанный липкими пальцами Виктора. – Маттео всегда утверждал, что рецепт подозрительно похож на тот, над которым якобы работал его отец.

– Если что и выглядит подозрительно, так это смерть моего деда и тот факт, что Антонио Ла Маркаса ни разу не допрашивали по этому поводу, хотя он...

– Я знаю, Нелла.

Джетт действительно знал. И это бесило ее еще больше. Почему он так спокоен? Почему не рвет и не мечет? Почему не штурмует поместье их извечных врагов?

– Первое слушание через три недели, – продолжил он. – Полагаю, ты не следила за новостями. Я нашел твой телефон в микроволновке. Наверно, говоря, что он разрядился, ты имеешь в виду, что пыталась его спалить. Когда ты в последний раз заряжала телефон?

– У меня есть право хранить молчание, и это право закреплено в Разделе 8 Закона о доказательствах 1906 года. – Она закрыла глаза.

– Вот именно.

– Что?

– Вот почему ты нужна Тому.

Она распахнула глаза и уставилась на него.

– Право хранить молчание имеют все, а не только я.

– Но ему необходим адвокат.

Она покачала головой.

– Я не тот адвокат, который ему нужен.

– Тот самый. Ты лучшая. Ты еще и старшая, хотя винодельней управляет Том. Тебя ждут на первом слушании. Соберется вся семья.

Семья. В позвоночник вонзился ледяной кол.

– Так вот как ты собираешься уговорить меня вернуться в Бинди-Бинди? Соблазнить юридическими заковыками?

⁵ Сангве (итал. Sangue) – кровь. Здесь: итальянское название вина кроваво-красного цвета.

– Я знаю, что тебя заводит. – Джетт вытянул длинные ноги. – У Грейсона и Тома были грандиозные планы: похитить тебя или нанять группу марьячи, чтобы те воспели бессмертную семейную любовь, или прислать видео о доме, опустошенном войной и лишенном света, которым раньше была Нелла Барбарани, или провести опрос всех жителей залива Бинди-Бинди, в ходе которого они обратились бы к блудной дочери, умоляя ее вернуться. Но я знал, что все гораздо проще.

Джетт усмехнулся, но Нелла видела тени в глубине его глаз. Все было хуже, чем он признавался.

– Я не вернусь. Не доставлю тебе сегодня такого удовольствия.

И не только тебе, а еще и Тому. И моей матери. И моему отцу, который, хотя и мертв, но, я знаю, смотрит на меня с небес и потрясает кулаком. Я не вернусь ради них.

– Ты вернешься не ради Тома или других. – Давным-давно Джетт, должно быть, вживил ей в мозг какой-то чип, который при активации пересылал ему ее мысли. – Ты вернешься ради себя самой. Нападение Ла Маркас на твою семью – это еще и нападение на тебя, Нелла, как бы сильно ты ни пыталась дистанцироваться от родных.

– Ла Маркас охотятся не за моими деньгами. Все, что у меня есть, я заработала сама.

– Я знаю это, и Том знает, но есть особая причина, почему ты так хороша в своем деле.

Нелла усмехнулась.

– Ну конечно, путь наверх я проложила через постель.

– Тебе всегда было что доказывать. Ты борешься за своих клиентов, как боролась за то, чтобы иметь собственную репутацию, не связанную с громким именем отца. Но это судебное дело. Твоя репутация юриста на кону, нравится тебе это или нет. Все знают, какая ты в зале суда.

Слова Джетта перекликались со словами журналистки, которая два года назад писала ее биографию для представления на конкурсе «Самая Влиятельная Бизнес-леди года Австралии»: *Нелла Барбарани успешна на все сто. Вы знаете этот тип – женщина, которую терпеть не могут, потому что у нее есть все: внешность, интеллект, остроумие и деньги. Она – та, на кого все хотят быть похожими, та, кому все хотят нравиться, и единственная, с кем вы не хотели бы оказаться в зале суда по разные стороны баррикад...*

Но это – и статья, и номинация – было до появления ставшей вирусной заметки «Восхождение австралийских непо-бэби»⁶, в которой, кроме Неллы, упоминались все ее братья и сестра.

– Неважно, какая я в суде и как представляю своих клиентов. Как только меня увидят там, сражающейся за сохранение состояния моей семьи, я стану просто еще одной закатывающей истерику непо-бэби.

– Тебе не вручили диплом юриста вместе с клатчем Hermes на твой двадцать первый день рождения.

– Это был не Hermes, а Lana Marks, – перебила Нелла.

– Все, что у тебя есть, ты заработала сама. Твой отец не платил университету или Австралийской ассоциации юристов.

Нелла пожала плечами. Стоило представить, как ее отец пожимает руку декану ее университета или президенту ААЮ и что-то шепчет им на ухо, как она сжалась. Казалось, кожа превратилась в змей, сдавивших ее кости. Хотя она и видела свою академическую справку, хотя и была на всех собеседованиях, ее не оставляла тревожная мысль: а вдруг все это ложь? *Вдруг все, что, как я думаю, построено мною, на самом деле создано для меня отцом?*

⁶ Непо-бэби (англ. перо-baby) – термин, состоящий из двух английских слов: “nepotism” (кумовство) и “baby” (ребенок). Он означает детей знаменитостей, которые добились успеха благодаря своей фамилии и родственным связям.

Даже сейчас, когда он был мертв, ей иногда казалось, что она чувствует границы своей дополненной реальности, словно мерцающую стену. Стоит лишь слегка надавить, и все это рухнет, явив притворство. Без него и его династии она – ничто.

Джетт уперся локтями в колени.

– Я понимаю, о чем ты думаешь. Ты не выиграешь в любом случае: если возьмешься за дело, ты – испорченная мажорка, пытающаяся удержать состояние в своих маленьких кулачках, но если ты не будешь участвовать, все подумают...

– ...что я для этого не гожусь.

– Или...

– ...или что моя семья виновна, а значит, по ассоциации, замешана и я.

Черт бы побрал этого Маттео, гребаного Ла Маркас. Закон был для нее священным оазисом. Тем, в чем она лучше всех, единственным, что давало ей основание не чувствовать себя никчемной в глазах отца и братьев. Закону все равно, как тебя зовут. С тех пор как королю пришлось подписать Великую хартию вольностей в 1215 году, даже «неприкасаемые», вроде ее семьи миллионеров, попадали под его действие. Закон уравнивал всех.

Право было ее инструментом. Но теперь костлявые, сальные пальцы Маттео душили ее – все из-за дурацкого судебного иска.

– Я приду на слушание, – уступила Нелла.

Надо отдать должное Джетту: он не подпрыгнул и не вскинул кулак, а просто кивнул.

– Но потом я уеду, – продолжила она. – Я встретила парня на сайклинге, он учится шаманизму, и ему нужен кто-то, на ком можно практиковаться, так что какое-то время я буду занята – из меня будут изгонять демонов. Я передала своих клиентов Иену, и Дейзи сказала, что у него все хорошо. Он справляется и без меня.

– Твоя семья не справится.

– Моей семьи, – эти два слова обожгли ей язык, – больше не существует.

Нелла ждала, что Джетт скажет ей, мол, не надо драматизировать. Или что она эгоистка. Или найдет другие определения, которые он и весь остальной мир используют в отношении Антонеллы Барбарани, определения куда более верные, чем те, которыми оперировала та журналистка, написавшая хвалебную статью.

Но вместо этого Джетт встал, взял обе кофейные чашки и молча ополоснул их под краном.

Она хотела, чтобы он накричал на нее, потребовал ответить, действительно ли она имела в виду все то, что сказала шесть месяцев назад. Но на Джетта такие вещи не влияли. Ему было все равно, что она сказала или что сделала, для него она была просто Барбарани. Испорченная тусовщица, превратившаяся в ледяную королеву-адвокатшу, на которую он работает. В его чувствах к ней никогда не было глубины. Она была лужей. И она высушила все оставшиеся капли их дружбы после похорон, игнорируя его – и всех остальных – звонки последние шесть месяцев. Джетт будет рад, когда она уедет.

А случится это сразу после слушания.

Глава 4

Нелла

– Ты что, содрала кожу с Салли из «Корпорации монстров», чтобы пошить эти туфли? – поинтересовался Джетт, глядя в зеркало в лифте.

Нелла все же надеялась, что на самом деле выглядит лучше, чем ее отражение, и что причина возможных дефектов в неровности стекла. Дома она много времени проводила в спортзале и позволяла себе есть все, что захочется, не беспокоясь о том, что не влезет в любимые джинсы. И вообще, ей было наплевать, что незнакомые парни за ужином могут подумать, мол, она сметает все со стола, как пылесос.

Но она бы никогда в этом не призналась. То, что она сказала Джетту о шамане из фитнес-клуба, было правдой, но ее визиты туда больше напоминали посещение церкви на Рождество или Пасху, чем знакомство с практикой самоистязания. Неужели она так сильно изменилась за последние полгода? Случится ли с ней то, что, похоже, случается с другими женщинами, когда им становится наплевать на плоский живот, подтянутую попу и упругую грудь? А если случится, то когда? В сорок? В пятьдесят? Может, она продолжит переживать обо всем этом до самого тридцать девятого дня рождения, а потом проснется в сорок и подумает: *«Да пошло оно все – я просто прекрасна! И на мнение мужчин о моем теле мне просто наплевать!»*

Нелла надеялась, что так оно и будет. И, следовательно, жить с этим беспокойством осталось лет семь, а потом ей уже не придется задаваться нелепыми вопросами, например, о том, что подумал Джетт, когда она расхаживала перед ним в одних трусиках и лифчике. Скорее всего, он испытывал одновременно и отвращение, и злорадное удовлетворение, видя ее грехопадение.

Может быть, шаман поможет ей с этим?

– Ты планировал эту реплику с тех пор, как я вышла из спальни, не так ли? Я видела, как ты смотрел на мои ноги.

– Людей привлекает ужасное и безобразное – это в человеческой природе. Например, прохожие всегда замедляют шаг, проходя мимо места аварии.

– Эти туфли были на подиуме на Неделе моды в Милане.

– А я не знал. Жаль, что Крис – то есть Винсенто – не успел их увидеть.

– Если *Виктор* увидел так мало, то лишь потому, – дверцы кабины открылись, и Нелла протиснулась мимо него в золотисто-белый вестибюль, – что ты не дал ему такой возможности, вломившись в мои апартаменты.

Нелла нарочно оставила свой чемодан в лифте, чтобы Джетту пришлось его забрать. Базовая манипуляция.

Джетт машинально, не теряя ни минуты, подхватил его.

– Значит, он выдержал все испытания?

– Я знала его слишком мало, чтобы занести в топ-10, – бросила Нелла через плечо.

– То есть по пункту *«Уродская одежда»* он тебя не забраковал?

– На мне была флуоресцентная оранжевая шляпа-федора.

– Уверен, на специальных сайтах есть категория для такого фетиша. Собираешься еще с ним встретиться?

Они вышли из здания. Бесси, красный «Порше» Джетта (точнее, красный «Порше» ее семьи, которым Джетт распоряжался практически полностью), стояла в зоне эвакуации прямо у входа в вестибюль, и радужные огни набережной Элизабет-Куэй отражались в ее стеклах.

Щеки Неллы вспыхнули – этот самонадеянный наглец даже не сомневался, что легко убедит ее поехать с ним.

– Он женат. – Она знала, что этим заставит его заткнуться. Джетт ненавидел обманщиков. Фары Бесси приветственно мигнули. Нелла плюхнулась на переднее пассажирское сиденье и вдохнула знакомый запах кожи, жимолости и одеколона Джетта. Ее бешено колотящееся сердце (спасибо неожиданному эспрессо и судебному иску) сбавило ритм.

– Если так, то, похоже, я оказал тебе услугу, – отрывисто бросил Джетт. Его слова пробудили что-то внутри нее, но из-за усталости она не уделила этому особого внимания.

– Он хотел трахнуть меня только потому, что моя фамилия Барбарани.

– Он хотел трахнуть тебя не поэтому.

Она открыла рот, чтобы ответить, но на экране управления высветился номер ее брата.

– Том? – ответил Джетт, свернув на дорогу, которая проходила через набережную Элизабет-Куэй. Нелла до сих пор никак не могла привыкнуть к ее обновленному виду. Неужели Перт не мог просто остаться таким, каким сохранился в ее памяти с детства. Еще больше раздражало, что у нее не получается вспомнить, как выглядела набережная до того, как город подвергли пластической операции, превратив его в нечто кардашьяноподобное, больше напоминающее «крутые» восточные города – Сидней и Мельбурн.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить очертания берегов, дорогу, лебедей – как все было до начала преобразований. Попыталась и не смогла. Может быть, Перт тоже стоял перед кривым зеркалом лифта?

– Ты ее забрал? – услышала Нелла голос брата. – Она наконец вытащила голову из собственной...

– Она здесь, Том, и ты на громкой связи.

– Да пошли вы оба, – заявила Нелла.

– Не обращай внимания на ограничение скорости, Рэндалл. Проблемы со штрафами я решу. Они выдали временный судебный запрет.

Джетт промчался через перекресток – оранжевый на светофоре как раз менялся на красный.

– Что это значит?

– Это значит, – Нелла подтянула колени к подбородку, не обращая внимания на то, как нахмурился Джетт из-за ее пренебрежения строгими правилами поездки в Бесси, – что производство любого из продуктов, рассматриваемых в рамках расследования, должно быть прекращено до его завершения.

– И что? – настаивал Джетт.

– Они отзывают вино! – прозвучал бесплотный голос Тома. – Нагрянут в винодельню с первыми лучами солнца! Тебе лучше поторопиться, Антонелла, потому что, если мы проиграем, это будет полностью, безоговорочно, целиком твоя вина.

– Им нужно переименовать это место. – Нелла прижалась лбом к прохладному стеклу окна. Они как раз проезжали мимо выцветшей таблички-розовой ракушки, извещавшей, что до бухты Бинди-Бинди остался один километр. Строго говоря, они выехали из города на рассвете, но сейчас небо приобрело тот оттенок голубого, при котором бодрствование уже считается социально приемлемым.

– Почему?

– Здесь больше нет бабочек. Бинди-Бинди на нунгарском означает *бабочка*.

– А как на нунгарском просто *муха*? – спросил Джетт, выгоняя в окно здоровенную мартовскую муху. – Как они сюда залетают?

– Я открыла заднее окно. Мне нужен был свежий воздух, но не прямо в лицо.

Джетт с такой силой ткнул в кнопку стеклоподъемника, что Нелла удивилась, как он не сломал палец. Очевидно, раздражающее спокойствие было притворством, пока он послушно играл роль охотника за головами. И теперь, когда добыча сидела на пассажирском сиденье и была надежно пристегнута, он снова впал в апатию и неподвижно смотрел вперед.

Большую часть пути в машине было тихо.

Конец февраля в Бинди-Бинди никогда не был тихим временем. Хотя большинство отпускников, приехавших на летние каникулы, уже катили по песчаному шоссе обратно в Перт – на работу и учебу, в воздухе все еще витала наэлектризованная послепраздничная атмосфера. Нелла с удовольствием бы надела наушники, чтобы отгородиться от мира и не слышать этого шума. Загорелые подростки с солью на волосах маневрировали на велосипедах, шли с серфами и планшетами по главной туристической улице, уже заполненной завтракающими туристами.

Взрослые в цветастых платьях и спортивной форме готовились провести день за дегустацией вин, исследованием пещер или самоистязанием под солнцем на знаменитых бело-бирюзовых пляжах Бинди-Бинди. Пока Джет поворачивал возле здания суда у полицейского участка, Нелла прижалась к сиденью – на случай, если кто-то с работы вдруг решил зайти в офис до открытия, чтобы произвести впечатление на отсутствующего руководителя. Находясь в вишневом «Порше», остаться незамеченной непросто.

Раньше она обожала проводить лето⁷ в Бинди-Бинди: вдыхать резкий запах морских водорослей, покрывать себя кокосовым солнцезащитным кремом и мазать губы липким клубничным блеском. Долгие часы у воды или в скалах в компании Элайзы, единственной подруги, которая прошла все ее испытания. Впрочем, Элайза сама же помогала ей их придумывать. В одиннадцать лет Нелла разработала собственное руководство по отсеиванию тех, кто хотел быть рядом с ней только потому, что она – Барбарани, а не просто Нелла. За основу она взяла правила спасения «Плыви, чтобы выжить» местного клуба серферов, и все пошло оттуда. Они с Элайзой лежали на песке, составляя список из двадцати одного пункта блестящей неоновозеленой ручкой в пушистом блокноте, который шел в подарок к журналу Total Girl. Они флиртовали с парнями, приехавшими на каникулы из Перта, и притворялись, что не умеют кататься на серфе, чтобы был повод прикасаться к их скользким, накачанным телам, умоляя научить их стоять на доске.

Иногда с ними таскалась младшая сестра Неллы, Фрэнки, и Нелла придумывала для нее надоедливые задания, словно та была их слугой: принести газировку из пляжного киоска, поддержать сумки, пока они с подругой в туалете, присмотреть за вещами, когда они уходят к плавучему причалу. Фрэнки даже помогала Нелле проводить некоторые из ее наиболее запутанных испытаний, соглашаясь потому, что только при таком условии Нелла позволяла ей тусоваться с ними. Потом у нее развился гипопиз, и она начала принимать более взвешенные решения.

Пока не случилось то, что случилось.

Мысль о Фрэнки отозвалась эхом выстрелов. Сырой душок потайного прохода, сделанного ее дедушкой, где Неллу и всю семью держали в заложниках в ночь гала-шоу, просачивался сквозь запах морских водорослей и кофе на главной улице.

– Нелл? – Джетт смотрел на нее, одной рукой небрежно держа руль, другой отбивая на рычаге переключения передач ритм звучащей по радио песни Джеймса Тейлора. Музыкальный вкус Джетта был как у шестидесятитрехлетнего пенсионера.

Она откинула голову назад, и перец, жимолость и кожа поглотили отзвывающиеся болью летние запахи. Выстрелы и крики стихли, уступив место эху сказанного Джеттом еще в Перте, перед звонком Тома.

Он хотел трахнуть тебя не поэтому.

Вероятно, это было оскорблением, небольшой расплатой за похороны, только Нелла не поняла, что он имел в виду. Но момент, чтобы расспросить об этом, давно прошел, и теперь она выглядела бы как невротичный нарцисс, если бы подняла эту тему.

⁷ Лето в Австралии длится с декабря по февраль.

– Все в порядке.

Он не настаивал. Джетт всегда был таким. Иногда она чувствовала себя заклинившей дверью, которую он вяло пытается приоткрыть, но всегда сдается. Порой ей хотелось, чтобы кто-нибудь врезался в нее и снес с петель.

Джетт повернулся к дороге. Наблюдать за тем, как он ведет машину, было почти то же самое, что читать стихи. Стихи, которые она хотела проигнорировать, поскольку знала – этот маршрут ведет к поместью Барбарани. Джетт водил машину так, как музыкант перебирает струны гитары, как бейсболист подает мяч, как кружится танцор. Ритм его движений был бальзамом, пролитым на сильный солнечный ожог. Она сидела, спала и блевала на заднем сиденье его машин в самые мрачные моменты жизни, даже если он не представлял, от чего именно увозил ее.

Джетт никогда не давил на нее.

Иногда она задавалась вопросом, как много он на самом деле знает и о чем намеренно умалчивает? Как, например, о той ночи, когда ей было восемнадцать, и они с Грейсоном вырвали ее из лап сталкерши-психопатки, Салли Сью. Было много моментов, когда молчаливое присутствие Джетта помогало ей залечивать раны, но она не любила слишком много о них размышлять. Как, например, о том лете, когда он забрал ее после третьего курса универа, и разговоре, который он, вероятно, забыл. Или о той ночи, когда парнишка упал с балкона на вечеринке, куда их всех пригласили. Неллу тяготило предчувствие, что она и эту поездку добавит в тот список.

Теперь, когда они снова были в зоне покрытия, телефон Джетта взрывался от уведомлений.

– Это мой брат? – спросила Нелла.

Джетт взглянул на телефон, и она неодобрительно цокнула языком. Он поднял голову и снова уставился на дорогу. Она была практически уверена, что Джетт мог бы вести машину с завязанными глазами и не сделать ни единой ошибки, но баловать его такими комплиментами не собиралась.

– Нет.

– Интересно. – Она потянулась, чтобы схватить телефон, но Джетт был быстрее и сунул его в карман с правой стороны. – Есть что скрывать?

К горлу подступила желчь – прямо перед ними показалась въездная арка, за которой находились поместье и винодельня Барбарани.

– Чья это машина? – Нелла ткнула в окно, когда они проезжали мимо серебристого «Ауди», нелепо остановившегося на подъездной дорожке – в отсутствие Джетта указать гостю нужное место было некому.

– Понятия не имею.

Прошло всего полгода, но она с тревогой поймала себя на том, что не может понять, врет он или нет. Джетт знал всех по их машинам. Спроси его имя парня, с которым он всю ночь вел вежливую беседу на вечеринке, и он лишь вежливо пожмет плечами. Но вспомнит, что тот приехал на кабриолете «Кадиллак» 1955 года, даже если спросить его об этом десять месяцев спустя.

Владелец «Ауди» был, судя по всему, важной персоной. Ни за что на свете Томазо не втянул бы постороннего в ту дерьмовую ситуацию, в которой оказались Барбарани из-за Ла Маркас. Вражда между двумя семьями началась в то время, когда их патриархи, Эмилио и Антонио, делили каюту на корабле, шедшем после войны в Западную Австралию из Италии. Австралии нужны были люди для работы и строительства железных дорог, и «красная угроза» была сильна как никогда. Правительству требовались крепкие молодые парни, которые могли бы защитить континент от коммунистического вторжения.

Коммунисты так и не пришли, но итальянцы пустили глубокие корни. И Эмилио, и Антонио хотели большего от этой новой жизни. Они выплатили свои долги и построили железные дороги, но обоими двигало стремление создать собственные винодельни. Эмилио прославился сангве, а Антонио добился успеха с пино нуар.

Такова история. Такова правда. Ла Маркас были преступниками – их бизнес не ограничивался вином, и они укрыли в своем поместье настоящего убийцу. Возможно, против Фореста Валентайна и не имелось никаких веских улик, но он был виновен во всех смыслах. Конечно же, эта дурацкая претензия по поводу рецепта вина не имела никаких шансов в суде. Эмилио и Антонио возненавидели друг друга с первого взгляда. Ни при каких обстоятельствах дедушка Неллы не раскрыл бы секрет фамильного вина своему заклятому врагу за бутылкой красного. И если бы дедушка Эмилио украл рецепт у Антонио, последний ни за что бы не позволил ему выйти сухим из воды.

После того, что случилось шесть месяцев назад, когда Нелла потеряла отца и младшую сестру, Ла Маркас только и ждали удобного момента. Ни та ни другая семья не вышла без потерь из кровавой бойни, в которую превратилось гала-шоу в поместье Барбарани, и каждая винила другую в произошедшем.

Так что да, долго она здесь не задержится.

Нелла посмотрела на Джетта – он как раз припарковал машину перед особняком, хотя обычно Бесси жила в гараже. Предложит ли он отвезти Неллу обратно в Перт, или ей следует поступить по-взрослому и просто заказать себе такси?

Ноги едва не подкосились на гравийной дорожке, пока она вспоминала как ходить после четырехчасового пребывания в согнутом положении. Ее мохнатые зеленые тапочки Dolce & Gabbana могли и не пережить долгого путешествия до парадной двери.

Джетт шел впереди, уткнувшись в телефон. Если не Том, то кто же так настойчиво ему писал? Она ощутила укол какого-то чужого, незнакомого чувства.

У Джетта обычно не было от нее секретов – да и что ему скрывать. Кроме шрамов и татуировок. Но раньше он никогда не прятал от нее телефон. У него не было кода блокировки – она всегда могла взять мобильный с переднего сиденья и спасти их от прослушивания его ужасных плейлистов в Spotify.

Впрочем, какая разница? Она больше не живет здесь. Сейчас она в Перте, а скоро будет в Индии... или на Бали... (она не могла вспомнить точно, что именно говорил шаман).

Джетт нажал на кнопку звонка у парадной двери особняка.

– О, сюда ты не вламываешься, да? – Нелла толкнула его в плечо. Или, вернее, в локоть. Ей так доставало чего-нибудь на высоком каблуке.

– Тебе бы следовало помнить, что дверь нужно запирать.

Она сглотнула. Воспоминания о Салли Сью были туманными, как после тяжелой поездки: лишь обрывки звуков, сцен, которые, казалось, происходили с кем-то другим или были когда-то показаны по телевизору. Самыми страшными воспоминаниями оказались не стяжки, врезавшиеся ей в запястья, и не доска визуализации, которую Салли сделала для них с Неллой, – их будущая жизнь *вместе*, которую Салли представляла до того, как появились искусственный интеллект и дипфейки, с фотографиями, напечатанными и наклеенными на обложки журналов. Именно собственная наивность Неллы, отчаянное желание сбежать из мира своего отца заставили ее так сильно поверить в дурацкое электронное письмо Салли, в котором та представилась юристом, ищущим стажера на лето. Даже спустя годы Нелла не могла вспоминать это без жгучего стыда.

– Тебе нужно... – Джетт бросил на нее серьезный, внимательный взгляд, но она так и не поняла, что ей нужно сделать, потому что дверь открылась.

На пороге стоял Томазо.

– Похоже, дело плохо, – сказала она. – Я никогда раньше не видела, чтобы ты сам открывал дверь. Должно быть, тебе потребовалась целая вечность, чтобы разобраться в принципах работы дверной ручки.

Брат взглянул на нее так, словно она была бездомной кошкой, которая помочилась у его двери.

– Что это на тебе?

– Когда я нашел Неллу, одежды на ней было намного меньше. – Джетт сунул телефон в задний карман и прошел мимо Томазо.

В вестибюле, отделанном белым мрамором, было прохладно, но на шее Неллы выступили капельки пота, как будто с арок капало расплавленное золото. Свисающие с потолка люстры с хрустальными подвесками напоминали ракушки, облепившие корпус затонувшего корабля. Воспоминания о доме были омрачены кошмарами последних нескольких дней, проведенных здесь.

– Ты потеряла свой телефон? – Брат задал вопрос таким тоном, каким кто-то другой мог бы спросить, не убила ли она человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.